К 1490889

На правах рукописи

Байнин Сергей Вячеславович

ТВОРЧЕСТВО Н. А. КЛЮЕВА В РУССКОЙ И СОВЕТСКОЙ КРИТИКЕ

Специальность: 10. 01. 01 - Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Вологда - 2017

Работа выполнена на кафедре литературы федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Вологодский государственный университет»

Научный руководитель *Розанов Юрий Владимирович,* доктор филологических наук, кафедра литературы федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Вологодский государственный университет», профессор

Официальные оппоненты *Пономарева Татьяна Александровна,* доктор филологических наук, профессор, кафедра русской литературы Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский педагогический государственный университет», профессор

Субботин Сергей Иванович, кандидат филологических наук, Отдел новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН», ведущий научный сотрудник

Ведущая организация Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина»

Защита состоится «11» октября 2017 года в 11 часов на заседании диссертационного совета Д999.014.03 на базе ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина», ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет» по адресу: 160000, г. Вологда, ул. Ленина, 15, ауд. 240.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Вологодский государственный университет» по адресу: г. Вологда, ул. С. Орлова, д. 6, а также на сайте http://vogu35.ru

Материалы по защите диссертации размещены на официальном сайте ВоГУ: http://vogu35.ru/zashchita-dissertatsij-d-999-014-03

Автореферат разослан «2» 09 2017 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент _____ Л. Ю. Зорина

МЕСТНЫЙ ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Творчество и биография Николая Алексеевича Клюева, заключающие в себе множество неразрешенных вопросов, стали актуальными в отечественном литературоведении с конца 1970-х годов. В это время появляются сборники произведений поэта и начинают выходить статьи о его творчестве. Основными направлениями в изучении творчества и личности Клюева являются: биография (А. К. Грунтов «Материалы к биографии Н. А. Клюева» (1973), Л. Ф. Пичурин «Последние дни Николая Клюева» (1995), К. М. Азадовский «Николай Клюев. Путь поэта» (1990), «Жизнь Николая Клюева: документальное повествование» (2002), «Николай Клюев. Письма к Александру Блоку: 1907-1915» (2003) и «"Гагарья судьбина" Николая Клюева» (2004), В. А. Доманский «Нарым (Клюев в Сибири): Поэма и очерк» (2003), Т. А. Кравченко и А. И. Михайлов «Наследие комет: неизвестное о Николае Клюеве и Анатолии Яре» (2006), С. С. Куняева «Николай Клюев» (2014)); воспоминания современников о Клюеве (А. И. Михайлов и В. П. Гарнин «Словесное древо» (2003), С. И. Субботин «Венок Николаю Клюеву. 1911-2003» (2004), «Николай Клюев глазами современников» (2005) В. П. Гарнина, «Николай Клюев. Воспоминания современников» (2010), составленная П. Е. Поберезкиной); фольклорная и религиозная составляющие поэзии Клюева (В. Г. Базанов «С родного берега: О поэзии Николая Клюева» (1990), В. В. Дементьев «Олонецкий ведун» (1980), Э. Б. Мекш «Образ Великой Матери (религиозно-типологические характеристики в эпическом творчестве Николая Клюева)» (1995), Е. И. Маркова «Творчество Николая Клюева в контексте севернорусского словесного искусства» (1997), Л. А. Киселева «Дивный и предивный мир...»: Русский старообрядческий Север в лирике Н. А. Клюева 1910-х гг.» (2006), Т. А. Пономарева «Новокрестьянская проза 1920-х годов» (2005) и многие другие); лингвистический аспект (Л. Г. Яцкевич «Узорнее аксамита моя золотая дума»: поэтическое слово Николая Клюева» (2008), Л. Г. Яцкевич, С. Х. Головкина «Проект поэтического словаря Н. А. Клюева» (2000); Л. Г. Яцкевич, С. Б. Виноградова, С. Х. Головкина «Словарь топонимов и этнонимов Н. А. Клюева. Алфавитный частотный словоуказатель» (2000); Л. Г. Яцкевич «Поэтическая система топонимов и этнонимов в творчестве Н. А. Клюева» (2000)).

В работах исследователей больше всего внимание уделяется биографическим данным поэта, стараниям закрыть как можно больше «белых пятен». Актуальна проблема фольклорных и религиозных, сектантских и старообрядческих мотивов, а также лингвистическая сторона вопроса. Проблема восприятия поэзии Клюева критиками различных направлений рассматривается, как правило, поверхностно, в основном как комментарий к биографическим исследованиям, в которых авторы обращаются к одним и тем же источникам. Исключением являются комментарии Б. Филиппова к «Сочинениям» Клюева (1969), работы С. С. Куняева и К. М. Азадовского.

Актуальность темы данного исследования объясняется тем, что в настоящий момент отсутствуют работы, которые бы давали целостный анализ восприятия творчества и личности Клюева критиками различных литературных и идеологических направлений.

Научная новизна диссертационной работы заключается в том, что впервые вводится в научный оборот значительное число практически неизвестных критических статей, рецензий, упоминаний оценочного характера произведений Клюева в обзорах литературы. Вся эта информация, имеющая отношение к различным периодам творчества поэта, в нашей работе систематизирована, изучена и осмыслена. Критическое сопровождение творческой деятельности Н. А. Клюева впервые представлено как динамическая система, трансформирующаяся от борьбы за поэта между различными литературными, религиозными и общественными группами до борьбы с самим Клюевым как неприемлемой для советского строя фигурой.

Хронологические рамки исследования – с 1904 по 1937 год. Нижняя граница – первая публикация Клюева в сборнике «Новые поэты». Верхняя граница – год смерти поэта.

Объектами исследования являются критические и литературоведческие статьи, рецензии, отзывы, обзоры литературной жизни, фельетоны, анонсы, заметки, опубликованные с 1908 по 1937 год. В качестве дополнительного материала привлекаются письма, дневниковые записи и воспоминания современников поэта, содержащие суждения о личности и творчестве Клюева.

В качестве **материала** диссертационного исследования, помимо основного корпуса критических работ, дополнительно привлекались:

- переписка Клюева с современниками: Н. А. Клюев «Словесное древо. Проза» (2003, сост. В. П. Гарнин), К. М. Азадовский «Николай Клюев. Письма к Александру Блоку: 1907-1915» (2003);

- воспоминания современников Клюева: «Николай Клюев глазами современников: Сборник воспоминаний» (2005, сост. В. П. Гарнин), «Николай Клюев. Воспоминания современников» (2010, сост. П. Е. Поберезкина);

- работы по биографии Клюева: К. М. Азадовский «Николай Клюев. Путь поэта» (1990), «Жизнь Николая Клюева. Документальное повествование» (2002), «"Гагарья судьбина" Николая Клюева» (2004), Л. Ф. Пичурин «Последние дни Николая Клюева» (1995), С. С. Куняев «Николай Клюев» (2014);

- исследования поэзии Клюева В. Г. Базанова, С. И. Субботина, Л. А. Киселевой, А. И. Михайлова, Н. М. Солнцевой, Е. И. Марковой, Т. А. Пономаревой и др.

Предметом изучения выступают концепции поэзии и личности Н. А. Клюева, формировавшиеся в отечественной и эмигрантской критике на протяжении тридцати с лишним лет.

Цель диссертационной работы состоит в системном анализе этих концепций, предложенных профессиональными критиками, писателями, литературоведами и

политическими деятелями с учетом их эстетической и идеологической принадлежности.

Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих **задач**:

1. собрать материал, где анализируется творческая деятельность Клюева или упоминается имя поэта;
2. накопленный материал проанализировать и систематизировать;
3. охарактеризовать основные литературные направления с точки зрения их отношения к творчеству Н. А. Клюева;
4. проследить формирование в официальной советской критике тенденциозной оценки творчества Н. А. Клюева;
5. проследить развитие в критике борьбы за "Клюева" в дореволюционный период и борьбы против него после 1917 года.

Цели и задачи настоящего исследования определяют его **методы**: сравнительно-исторический и историко-культурный. Критическое восприятие Н. А. Клюева представляет собой динамический процесс. С одной стороны этого процесса наблюдается творческое развитие самого поэта, с другой – формирование его целостного образа в критических работах.

Методологическую основу диссертации составляют: а) работы по истории русской и эмигрантской литературной критики Г. А. Белой, Е. А. Добренко, Н. В. Корниенко, О. А. Лекманова, Г. П. Струве, П. Ф. Юдина и др.; б) исследования биографии и поэзии Клюева В. Г. Базанова, В. П. Гарнина, Л. А. Киселевой, А. И. Михайлова, Т. А. Пономаревой, П. Е. Поберезкиной, Н. М. Солнцевой, С. И. Субботина, С. С. Куняева, С. А. Серегиной и др.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что его результаты существенно расширяют представления об особенностях отечественного литературного процесса первой половины XX века, а также заполняют некоторые лакуны в изучении творчества и биографии Н. А. Клюева.

Практическая значимость исследования заключается в возможности его использования в вузовском курсе лекций по истории русской литературы XX века, спецкурсах по творчеству Н. А. Клюева или по творчеству «новокрестьянских» поэтов.

На защиту выносятся следующие положения:

1. На протяжении всей литературной карьеры Н. А. Клюев представлял собой обособленное явление, не принадлежавшее ни одному литературному течению как до, так и после революционных событий 1917 года.

2. В дореволюционный период Н. А. Клюев – поэт, за которого ведут борьбу ведущие литературные группы. Критические отклики становятся средством этой борьбы.

3. К 1917 году в литературной критике создается ряд мифов о Н. А. Клюеве: с одной стороны, миф о малограмотном крестьянском «поэте-самоучке», с другой – миф о «поэте-пророке».

4. После 1917 года в критике начинает складываться отрицательный образ Н. А. Клюева как носителя реакционных мистических настроений и поэта-кулака, которому должна быть закрыта дорога на страницы отечественной печати (работы Л. Д. Троцкого, В. В. Князева, Г. Лелевича и др.).
5. К концу 1920-х годов в критике не только окончательно утверждается негативная оценка личности и творчества Н. А. Клюева (отклики Л. Л. Авербаха, А. И. Безыменского, А. П. Селивановского), но и формируется запрет на творческие контакты с поэтом.
6. Критика эмиграции шла по двум путям, оценивая творчество Н. А. Клюева: неприятие Клюева как пролетарского поэта, с одной стороны, и признание его как поэта, соединявшего в своем творчестве социальную, политическую и духовную революцию – с другой. К началу 1930-х годов эмигрантская критика пришла к выводу, что поэзия Клюева стала скучной, рутинной и неинтересной.

Результаты исследования были **апробированы** на международных научных конференциях: Клюевские чтения (2013, 2014, 2015, 2016, Вытегра), «Летопись жизни и творчества С. А. Есенина как источник персональной энциклопедии: Есенин и его современники» (2014, Москва – Рязань – Константиново), Всероссийская научная конференция «Церковь Преображения Господня: 300 лет на заонежской земле» (2014, Петрозаводск), V Санкт-Петербургские научные чтения памяти Николая Клюева «Поэзия Николая Клюева в контекстах культуры XX века» (2013, Санкт-Петербург), VI Санкт-Петербургские научные чтения памяти Николая Клюева «Я-посвященный из народа: Поэзия. Личность. Служение» (2014, Санкт-Петербург), Всероссийская научная конференция «Образы национальной ментальности в текстах Русского Севера» (2013, Вологда), Молодежный научный форум «Молодые исследователи – регионам» (2015, Вологда), Всероссийская научно-практическая конференция «Вологодский текст в русской культуре» (2015, Вологда), конференция «Рябининские чтения» (2015, Петрозаводск), VII Санкт-Петербургские научные чтения памяти Н. Клюева «Николай Клюев и концептосфера русской культуры» (2015, Санкт-Петербург), VIII Санкт-Петербургские научные чтения памяти Н. Клюева «Материнский архетип в творчестве Н. А. Клюева: Первообраз. Символ. Структура» (2016, Санкт-Петербург), Международная научная конференция «Есенин в литературе и культуре народов России и зарубежья» (2016, Москва – Рязань – Константиново).

Структура работы. Диссертация включает в себя введение, две главы, заключение, биобиблиографический указатель и приложение.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, формулируются цели и задачи, предмет исследования, дается краткий обзор существующих направлений в изучении творчества Н. А. Клюева, характеризуется степень изученности вопроса, описываются методы и пути решения поставленной цели.

Первая глава «Борьба за «крестьянского самородка» в зеркале литературной критики дореволюционного периода» представляет собой результаты анализирования публицистических оценок творчества и личности Клюева до 1917 года.

В **первом параграфе** «Н. А. Клюев и "Суриковский литературно-музыкальный кружок"» рассматриваются публицистические отзывы и рецензии поэтов-«суриковцев» (М. Г. Сивачев, С. Д. Фомин, Б. Д. Богомолов) и деятелей кружка (И. А. Белоусов, Г. Д. Деев-Хомяковский) на сборники Клюева и его творчество в целом. Логично предположить, что первые работы молодого крестьянина с Севера были схожи с поэзией продолжателей деревенских мотивов И. З. Сурикова. Первые публикации Клюева были в «суриковских» сборниках. Клюев, как увидим впоследствии, не оказался своим в «Суриковском литературно-музыкальном кружке». «Суриковцы» не стали разворачивать масштабную борьбу за поэта. Мечты о далеком спасении в потустороннем мире, а также подражание поэзии символистов не могли быть приняты и, следовательно, оценены по достоинству поэтами-«суриковцами». Тем не менее, именно в их откликах Клюев, с одной стороны, представлен народным деревенским северным поэтом-«самоучкой» (Белоусов, Б. Д. Богомолов, Леонов), с другой – прекрасным поэтом-стилизатором (Деев-Хомяковский, З. Д. Бухарова, Венгров). Было и третье мнение, как например, оценка Сивачева, который считал, что Клюев уже в начале творческого пути изменил своему прямому предназначению, учась у столичных интеллигентов, ничего не понимающих в народной жизни.

Во **втором параграфе** «П. М. Пильский и А. А. Измайлов о творчестве Н. А. Клюева» анализируются критические статьи и заметки П. М. Пильского и А. А. Измайлова. Пильский выскажет свое мнение о Клюеве один раз до 1917 года в статье-рецензии «Мужик и символизм (Новый поэт Н. Клюев)» на дебютный сборник поэта «Сосен перезвон» на страницах одесской газеты «Южная мысль» (1911, 27 ноября). Критик подробно анализирует книгу Клюева.

Измайлов с Клюевым знакомы приблизительно с 1907 года. Критик охотно печатал стихи поэта, принимал Клюева как народного поэта-сказителя. Александр Алексеевич, как и его собрат Пильский, старался помогать новым литературным дарованиям и утверждению новых понятий. Оба они во время борьбы идейно различных групп не причисляли себя ни к каким литературным и партийным направлениям. Они не опирались в своих взглядах на политические представления, когда «партийные умы» в первую очередь справлялись о приходе, к которому принадлежал литератор, журналист. Измайлов не напрямую полемизирует с Пильским в статье «Хрестоматия новой литературы» в журнале «Новое слово».

Измайлов отмечает уклон многих поэтов в область народной песни, указывая на ошибочность взгляда некоторых литераторов и критиков видеть в народническом повороте «новое определяющее течение». Пильский и Измайлов довольно эмоционально и информационно сдержанны в своих оценках творчества Клюева.

В книге «Сосен перезвон» Пильский «обнаруживает» имя своего друга Брюсова, давшего хвалебное вступление, подчеркивающее уникальность автора. Для критика, полностью солидарного с Брюсовым, необыкновенна не только сама личность поэта, но и его поэзия. «Сила», «свобода», когда ничего не предусмотрено заранее: именно такую поэзию ждал Пильский, именно о такой поэтической формуле он «кричал» со страниц множества печатных изданий. Пильский видел в Клюеве пророка новой литературной школы «свободной» поэзии.

Измайлов, в свою очередь, видел в «крестьянском» поэте глашатая русского народного стиха. Критика беспокоит влияние на молодого поэта различных литературных и религиозных направлений. С точки зрения Измайлова В. П. Свенцицкий и И. П. Брихничев навязывают Клюеву свои сектантские идеи. Отметим, что эти опасения оказались во многом напрасны – вера поэта была намного глубже философии его «голгофских» друзей.

Критик предостерегает поэта от пагубных влияний со стороны интеллигентов-символистов, а также в увлечении текущей политикой, особенно в радикальных формах. Для Клюева, по мнению Измайлова, важно теперь идти своим путем, отбрасывая в сторону навязываемые ему со стороны идеи. Благие намерения критика очевидны и похвальны, но, по сути, утопичны – «уберечь» поэта от «влияний» разного рода, от эстетических и политических тенденций времени было, конечно, невозможно.

Третий параграф «"Мистик народной души" в оценке символистской критики» рассматривает оценку творчества Клюева критиками и поэтами из стана символизма. В начале XX века символисты интересовались мистически народной душой, деревней, где еще живо было устное народное творчество, религия. А. А. Блок, В. Я. Брюсов, В. И. Иванов, А. Белый и др. серьезно повлияли на формирование поэтического кредо Клюева. Однако, среди символистов разделялось мнение о поэзии Клюева. М. С. Шагинян, Д. В. Философов, С. Я. Парнок были удивлены восторженным похвалам обычно скупого на это дело Брюсова неизвестному широкой публике начинающему поэту. В отличие от Брюсова поэту С. А. Кречетову не был интересен уклон Клюева в сторону фольклорного творчества. Он видел значение поэзии лишь в выражении мистической, потусторонней действительности.

Символистская критика в целом одобрительно отзывается о творчестве Клюева, выделяя природную лиричность стихов, диалектный северный язык, народный «дух». Понимая, что на «крестьянского» поэта влияют не только они, но и представители других литературных и религиозных направлений, им необходимо было показать отрицательное воздействие хвалебных отзывов акмеистов или голгофцев на творческую карьеру Клюева. Например, Философов считал, что раннее творчество Клюева с точки зрения принадлежности к противоборствующим

литературным направлениям универсально. Клюев сборником «Сосен перезвон», а в дальнейшем и «Братскими песнями», угодил всем: «и марксистам, и старозаветным народникам, и модернистам» [1]. Философов даже не принимает одинаково восторженных отзывов о Клюеве не только других «критиков-интеллигентов», но и эстетических антагонистов Брюсова и Блока, лучше всех на тот момент знающих творчество поэта. В этот же ряд Философов ставит восхваления С. М. Городецкого в газете «Речь» и О. Е. Колбасиной в журнале «Заветы», которые своим «пресмыкательством» и «фальшью», неуважительны ни к Клюеву, ни к литературе. Современная интеллигенция культурно еще не самоопределилась, не нашла своего места, – делает вывод критик.

Символисты, познакомившись с Клюевым, были под большим впечатлением от «самородка с Севера». Причем не только от поэзии, но и личности самого поэта. Его поэзию они воспринимали как свободное творчество – уникальное, по их мнению, явление на фоне «увядания» литературы в первое десятилетие XX века. Символисты в определенном смысле имели основания считать Клюева своим, они не только приветствовали его первые литературные опыты, но и в мистическом плане предсказывали появление поэта из народа. Блок в статье «Девушка в розовой калитке и муравьиный царь» в 1907 году надеялся, что «где-то в тайгах и болотах живут настоящие люди, с человеческим удивлением в глазах; не дикари и не любопытные ученые этнографы, а самые настоящие люди. <...> Когда-нибудь они придут и заговорят на новом языке»[2]. Безусловно, в Клюеве они увидели именно то самое «северное дитя». Вот только возникает вопрос: поняли ли современники Клюева, дождавшись его прихода?

Тем не менее, символистская критика разделилась во мнении на неожиданный «уход» Клюева в голгофское христианство и сектантство, проповедуемое Брихничевым и Свенцицким. Полемизировался на страницах периодических изданий и вопрос о стилизации поэзии Клюева. Большинство же поэтов-символистов (Блок, Шагинян, Брюсов, Философов и др.) пришло к выводу: поэзия «крестьянского» автора представляет собой подлинное народное творчество. Именно под влиянием символизма создавались первые поэтические опыты «крестьянского» поэта. Безусловно, что в виду всего вышеизложенного символисты не хотели терять такого талантливого источника знаний о народной душе как Клюев.

Четвертый параграф «"Сектантский соблазн": Голгофские христиане о творчестве "крестьянского" поэта» рассматривает сотрудничество Клюева с представителями голгофского христианства И. П. Брихничевым и В. П. Свенцицким. Последние активно писали о поэте в 1912-1913 годах как в сборнике Клюева «Братские песни», так и в изданиях «Новая земля», «Новое вино» и др. Главная задача, которую ставил перед собой Брихничев, состояла в просвещении «простого» русского народа в духе революционных веяний.

---

[1] Философов Д. В. Братские песни // Речь. 1912. 23 июля (25 августа). С. 3.

[2] Блок А. А. Девушка в розовой калитке и муравьиный царь // Золотое руно. 1907. № 2. С. 64.

Сотрудничество с Брихничевым очень сильно повлияло на творческую судьбу Клюева. Увидев в нем пророка и всячески навязывая и ему, и читателю эту роль, Брихничев рекламирует поэта, печатает в «Новой земле» и помогает с изданием сборников. «Братские песни», где автором вступительной статьи был Свенцицкий, несомненно, написаны под влиянием «голгофства». Брихничев и Свенцицкий в статьях превозносили Клюева, преувеличивая значение и силу его поэзии. По мнению Брихничева, современная критика смотрит только на внешнюю сторону творчества поэта, в частности Клюева. Она не обращает внимания на «то, что составляет душу души» поэта, его религиозность. Именно эти моменты и накладывают свой «отпечаток на все произведения». По сути, речь идет о новом этапе «освоения» голгофцами клюевского феномена, когда происходит сакрализация не только личности поэта, но и его текстов, к которым нельзя подходить с обычными мерками. Идеологи голгофства пытались влиять не только на самого Клюева, но и на мнения критиков, они, можно сказать, старательно программировали восприятие творчества поэта в нужном им ракурсе. Брихничев и К° развернули ожесточенную критическую баталию. Также сотрудники «Нового вина» доказывали символистам, акмеистам, «скифам» и другим об истинном местоположении Клюева.

Пятый параграф «Н. А. Клюев в критике акмеистов». В критических статьях и заметках о творческой работе акмеизма можно неоднократно было встретить фамилию Клюева, столь близкого к символизму. Среди критиков и литераторов были и те, кто сомневался в целесообразности творческого сотрудничества Клюева и акмеистов. Тем не менее, синдики акмеизма Н. С. Гумилев и С. М. Городецкий продолжали с ним активную работу, отдаляя как можно дальше от символистского влияния, что выражалось в статьях и заметках. Гумилев с первого же сборника «Сосен перезвон» раздавал во все стороны похвалы в адрес Клюева, а в характеристиках Городецкого встречаются некоторые неточности, вызванные стремлением автора к романтизации своего героя. Постепенно формировалось представление о том, что Клюев – крестьянин по самой своей сути, с детства впитывавший образность старообрядческих песен и сказаний своей матери, получивший богатство впечатлений от северной природы. Городецкий называет поэта «блюстителем древних песенных заветов и хранителем живого, действенного начала в слове»[3]. Именно такого «певца» и ждали в литературных кругах. А проницательный Николай Алексеевич сознательно развивал этот образ с помощью элементов народной речи, атрибутов крестьянской одежды и стилизованного поведения.

Как и критики-символисты Гумилев и В. И. Нарбут не приняли пророческую роль голгофского христианства Клюева, навязываемую Свенцицким в предисловии. Идеологи акмеизма не берут во внимание символистские истоки в поэзии Клюева, и их внутреннюю связь. Их «работа над Клюевым» также объясняется стремлением приблизиться к народу. Камерность и замкнутость тяготили Клюева, как и голгофское христианство, не дававшее свободы для реализации творческого потенциала. Также

[3] Городецкий С. М. Незакатное пламя // Голос земли. 1912. 10 (23) февраля. С. 2.

сказывалось и общее неприятие Клюевым кабинетных «поэтов-книжников», в особенности к 1915 году, когда с акмеистами уже будет порвано, а разрыв с Городецким принят как своего рода предательство.

Непродолжительное время пребывания Клюева под влиянием акмеистов не осталось бесследно: появляется тяга к звучности, четкости, предметности стиха. Однако символистское стремление к изображению того, что еще не было рассказано, превалировало в творчестве поэта. Таким образом, борьба за Клюева в столь непродолжительное время не увенчалось успехом, как у акмеистов, так и в «Красе» Городецкого.

Шестой параграф «Поэзия Н. А. Клюева в критике В. Л. Львова-Рогачевского». Познакомившись с книгой «Сосен перезвон», Львов-Рогачевский выше всего оценил образ лирического героя, полностью, по его мнению, совпадавшего с биографическим «Я» автора – молодым поэтом-крестьянином из северной глубинки. Подкупала критика и легкость стиха, своеобразный синтез символистских поэтических принципов с ученической наивностью Клюева. Хотя Львов-Рогачевский и считал русский символизм «тупиковым направлением», он все же признавал мастерство поэтов-символистов, особенно в области формы. Критик с удовольствием приводит многочисленные цитаты из книги, желая «новому поэту от души, чтобы он слышал голос полей, голос народа, голос родины и шел дальше от салонных певцов, чуждых народу»[4]. «Братские песни», следовательно, разочаровали критика. По его мнению, Клюеву никак не подходила роль ритора голгофства.

Клюев в послереволюционные годы стремился быть как можно ближе к пролетарской поэзии. И в этом плане Львов-Рогачевский не видел «крестьянского» поэта на одной странице пролетарского журнала с В. Т. Кирилловым или П. К. Бессалько. Однако, по мнению Львова-Рогачевского «сила революционной поэзии Клюева в ее сплетенности с революционными настроениями восставшего народа»[5]. В отличие от пролеткультовских критиков Львов-Рогачевский находит удачным соединение «революционного с религиозным». Несмотря на зачастую верное понимание творческого мировоззрения и направления Клюева, Львов-Рогачевский сводил к интерпретации, как содержания, так и формы через призму классового анализа, в данном случае крестьянства. На протяжении всех критических работ о Клюеве критик настаивал на наследственной связи олонецкого крестьянина с Кольцовым. По его мнению, Клюев являлся продолжателем фольклорного певца XIX в., также пытавшегося в свое время соединить народное творчество и книжную поэзию.

Глава вторая «Борьба с Н. А. Клюевым и «клюевщиной» в критике 1920-х – 1930-х годов» представляет собой результаты анализирования публицистических оценок творчества и личности Клюева с 1917 по 1937 год.

---

[4] Львов-Рогачевский В.Л. Н. Клюев. Сосен перезвон // Современный мир. 1912. № 1. С. 343.

[5] Львов-Рогачевский В.Л. Поэзия новой России. Поэты полей и городских окраин. М.: Т-во «Книгоиздательство писателей в Москве», 1919. С. 61.

Первый параграф «"Подлинно первый народный поэт": Н. А. Клюев и "Скифы"» рассматривает критические оценки поэзии Клюева первых послереволюционных годов, публикуемые членами литературного объединения «Скифы». Идеолог неонародничества Р. В. Иванов-Разумник еще до 1917 года писал, что «культура» сыграла с Клюевым, пришедшим из олонецких лесов, злую шутку. В первых трех сборниках поэт «обезличен», в некоторых его стихах слишком много наносного, всё подстроено под один шаблон. Лес, земля, народ – вот, где силен, зорок и самобытен, образы – «четкие, насыщенные». В «Беседном наигрыше», где Клюев высказал свои опасения по поводу исторических изменений в русской деревне, критик прочувствовал искреннюю боль поэта, когда «на Русь деревенскую, лесную, полевую, на землю русскую поднялось войной железо...»[6]. И победа не за ответным железом (солдатами с пушками), а за «силой любви, за силой земли». Именно с «мудростью земли» связывал народную поэзию Клюева Иванов-Разумник. Клюев – подлинный современный поэт, «природы радостный причастник», «явление небывалое в нашей поэзии», пришедшее «от олонецких "скрытников", от "кораблей" хлыстовских, от "сказителей" былинных». Автор прямо указывает на причину борьбы между литературными группами за право считать Клюева своим. Появился не просто одаренный деревенский поэт, удачно слагающий стихи о непростой жизни русского крестьянина, а настоящий талант с уникальным мировоззрением, основанным на глубинных народных традициях, неведомых столичным интеллектуалам. Как видно из работ Иванова-Разумника, А. Белого, З. Д. Бухаровой поэзия Клюева отвечала идейным принципам «скифства». По мнению Бухаровой, за пророческую мудрость и художественную красоту мира и критиковали Клюева многие городские литераторы, смотрящие свысока, в силу классового превосходства.

Клюев был важной составляющей левонароднической идеологии Иванова-Разумника, что объясняет критику левых эсеров. Иванов-Разумник ставит Клюева на вершину Олимпа современной русской литературы, чему подтверждением в критике были работы П. Н. Сакулина, Бухаровой, Я. В. Брауна, Б. Лаврова и др. Поэт был представлен как один из немногих, кто действительно отражает народные переживания, чаяния и надежды в первые послереволюционные годы. К 1921 году Клюев оставался в составе только «Скифов» и группы «новокрестьянских» поэтов, что повлияло на последующую оценку его творчества.

Во **втором параграфе** «Н. А. Клюев и Пролеткульт» анализируются работы критиков – пролеткультовцев. В послереволюционных публикациях Клюев стремится приблизиться к новому революционному движению. Это показывает деятельность крестьянского поэта на родине в Вытегре, что также рассмотрено в данном параграфе. Сначала Клюева поддерживали в Вытегре такие деятели как Н. И. Архипов, М. Н. Мехнецов, А. В. Богданов, С. И. Ручьев и др. Однако к 1923 году их сотрудничество прекратится, а один из самых близких друзей А. В. Богданов отвернется от земляка и будет клеймить поэта на страницах местной печати.

---

[6] Иванов-Разумник Р.В. Земля и железо : (Литературные отклики) // Русские ведомости. 1916. 6 апреля. С. 2.

После 1917 года критик-пролетарий должен был в своих оценках отказаться от эстетических принципов (например, категории прекрасного). По мнению идеолога Пролеткульта А. А. Богданова, критику необходимо опираться на свой класс (развитие культуры рабочего читателя), регулирующий «развитие пролетарского искусства». На этом фоне Клюев сотрудничал одно время с Пролеткультом. С одной стороны поэта вынуждали писать «веселые песни» пролеткультовские идеи, а также стремление соотнестись с новыми направлениями и мировоззрениями в искусстве (о чем впоследствии поэт жаловался И. А. Оксенову, одному из главных его защитников из рядов Пролеткульта). С другой, – Клюев еще старается найти отголоски той мечты «мужицкого рая», о которой он жаждал перед революционными событиями 1917 года. Тем не менее, пролетарские критики (Н. С. Ангарский, Н. А. Павлович, П. К. Бессалько, Ф. И. Калинин и др.), необъективно толковавшие некоторые произведения поэта, вырванные из общего контекста его творчества, а также настороженно относившиеся к религиозным и сектантским мотивам поэзии 1917-1920 годов, старались изолировать Клюева от революции. Несмотря на позитивное отношение поэта к происходящим событиям [достаточно определенно выраженное в сборнике «Медный кит» (1919), поэме «Песнь Солнценосца» (1920) и цикле «Ленин» (1923)],в статьях пролетарских и напостовских критиков за нареканиями в дешевой экзотике, шаблонности, вымышленности, излишней религиозности, перепевах старого и изжитого, прослеживается обвинение Клюева в недоверии к новым социальным реформам большевиков.

В середине 1918 года Клюев даже вступил в РКП(б), однако был исключен через два года. Причина ожидаемая: религиозные убеждения поэта никак не могли соседствовать с революционными коммунистическими взглядами. Важным толчком в обвинении Клюева во враждебности к новой власти и смерти его как поэта в рамках Пролеткульта явилась книга В. В. Князева «Ржаные апостолы (Клюев и клюевщина)» (1924). По сути, Князев выполнял «социальный заказ» по дискредитации не только Клюева, но и той системы традиционных ценностей, которую он воплощал. При этом многие особенности творчества поэта Князев определил тонко и верно. Автор подробно анализирует все написанное на тот момент Клюевым и приходит к выводу, что уже к 1921 году Клюев не поэт, а певец, «сорвавший, навсегда погубивший свой голос», потерявший зрение, использующий слепые «лабораторные образы, сравнения».

Клюеву не удалось стать своим в рядах пролетарских поэтов. На страницах периодических изданий пролеткультовцы преподносят Клюева как обычного эпигона, который перепевает темы, давно уже освоенные поэтами конца XIX века. По их мнению, фольклорность и религиозный мистицизм чужды рабочему читателю и новой государственной власти.

Третий параграф «Критика литературной группы «Перевал» о творчестве Н. А. Клюева». А. К. Воронский повышенное внимание уделял писателям-«попутчикам» и игнорировал истинно революционных художников, борясь с «тенденциозной нудью в прозе и поверхностным виршеплетством в поэзии»

пролетарских авторов. Тот же В. П. Правдухин отмечал отсутствие у пролетарских специалистов широты и образности в поэзии, что было в избытке у Клюева и С. А. Есенина. Тем не менее, со стороны перевальцев звучали и обвинения в сторону «новокрестьянских» поэтов в тяготении к патриархальности. А. Лежнева, в частности, удивляло, как можно до сих пор быть привязанным к прошлому. В борьбе между городом и Клюевым критик видел всего лишь боязнь последнего за гибель сказочного Китеж-града. Включая «кулацких» поэтов в одну «реку крестьянской литературы», Правдухин, считает, что город ломает Клюева. Но это уже не тот Клюев, который радовал своими «перезвонами сосен» и «избяными песнями». Голос его не свободен как раньше. Клюев в тупике и, как и Князев, Правдухин, а также близкий к «Перевалу» серапион И. А. Груздев (на его примере показательно и отношение «Серапионовых братьев» к творчеству Клюева тех лет), предполагают, вряд ли он найдет выход. Во всяком случае, последние его работы не дают ясного ответа. Клюев был не тот крестьянин, которого бы безоговорочно поддерживала критика «Перевала». Не обвиняя поэта в измене революции, «кулацких» настроениях, критики видели губительность для поэзии Клюева его тщетной борьбе с городом и отстаивании деревни, где еще хранились древние культурные традиции Руси.

Четвертый параграф «Н. А. Клюев – "кулацкий" поэт». В послереволюционный период Клюева сначала принимают как «литературного попутчика» – поэта организационно и идеологически не связанного с новой властью. Л. Д. Троцкий поддерживает «попутчиков». В работе «Литература и революция» Троцкий дал подробную оценку творчеству Клюева. По мнению автора, у Клюева нельзя отнимать крестьянство, иначе от души «ничего не останется». Клюев в сборнике «Ленин», по мнению Троцкого, попадает в переходный момент между умирающим буржуазным искусством и искусством, рожденным революцией, но не являющимся ее выразителем. И творчество «крестьянского» поэта невозможно без революции. В отношении Клюева к революции Троцкий видит двойственность: поэт принимает 1917 год, но при этом не признает город и городскую поэзию. Так и в образе Ленина автор увидел «двоемыслие, двоечувствие, двоесловие». Но представители напостовской критики не поддержали идеи Троцкого о «попутчиках». Критики разделяли современных писателей на «своих» и «чужих». Соответственно и критика Клюева была иной. Один из главных напостовских идеологов Г. Лелевич в статье «Окулаченный Ленин» писал, что Клюев приспособил Октябрьскую революцию «к своим кулацким чаяниям»[7]. Лелевич утверждает, что при знакомстве с новым сборником стихов, критик должен в первую очередь задаваться вопросом: какими мыслями и настроениями «заразит» она читателя[8]. На страницах сборника «Молодая гвардия» Лелевич, анализируя основные тенденции писателей и поэтов в изображении «нашего великого, единственного вождя», назовет Клюева сектантом, «застывшим, искусственным и до смешного украшенным мишурою кондовым поэтом,

[7] Лелевич Г. Л. Окулаченный Ленин // На литературном посту. 1924. № 2. С. 155.
[8] Лелевич Г. Л. Ленин // Печать и революция. 1924. № 2. С. 274.

кондовой кулацкой северной Руси»[9]. Именно его Лелевич выбирает, как пример неправильного изображения Ленина.

Как ни парадоксально, но на фоне разгоревшейся борьбы против «попутчиков» и «кулацких» писателей Клюев опубликует поэмы «Деревня» (1927), «Плач о Сергее Есенине» (1926), сборник «Изба и поле» (1928), а «Избяные песни» входили в школьные образовательные программы. В это время Клюева критиковали «за контрреволюционные кулацкие выступления» (А. И. Безыменский, Е. Мустангова, А. П. Селивановский, Л. Л. Авербах, О. М. Бескин, П. С. Яцынов и др.). Заступниками поэта на тот момент были единицы. Р. Ф. Куллэ оспаривает мнение того же Безыменского о поэме «Деревня», сложившееся, как он предполагает, из-за непонимания основных направлений современной литературы. Обнаруженные Безыменским реакционные образы, как считает Куллэ, – дело чисто субъективное. Главное отличие Клюева-поэта от людей, умеющих при желании что-либо зарифмовать – способность оперировать «поэтическими образами-символами». Ко всему прочему, у Клюева никогда не было «программных» произведений, заявляющих публично о его кулацких взглядах.

После 1932 года нападки в печати на Клюева продолжаются, хотя это уже даже формально нельзя назвать критикой. Поэта упоминают всегда, когда речь заходит о врагах и контрреволюционных писателях, причем негативный контекст расширяется. В него включаются и проблемы текущей политики, и национальный вопрос, и даже отношение к фольклору. Следует отметить и еще одну критическую тенденцию времени. Критики и публицисты обращаются не столько к текстам Клюева (тем более что новые произведения поэта не публикуются), сколько к реальным или мнимым «следам» клюевской поэтики в творчестве других авторов. С. А. Малахов сравнил поэзию А. А. Прокофьева, выпускника литературной студии Ленинградского Пролеткульта, и Клюева. Отметив стилевую схожесть («ритмика, северная речь и яркий биологизм образов», «фольклор и апокрифическая струя в языке»), Малахов старается отмежевать Прокофьева от кулацкого поэта.

Клюева расстреляли между 23 и 25 октября 1937 года. Официальная критика 1920-30-х годов сделала всё возможное, чтобы убрать «крестьянского» поэта из литературного процесса «новой» страны. Религиозность, деревенский бытовизм, консерватизм, понимание города как главного оружия в истреблении древней культуры Руси, сохранявшейся в крестьянской среде были неприемлемы. Та машина, которую запустили Троцкий, Лелевич, Князев, Бессалько, Безыменский и многие другие, работала еще долгие годы. Имя кулацкого поэта Николая Клюева надолго забыли в советской стране. Оно появлялось лишь в работах о Есенине, но и в них Клюев трактовался как поэт, оказывавший в свое время негативное влияние на него.

Пятый параграф «Критика «первой волны» эмиграции о творчестве Н. А. Клюева» рассматривает критические работы русских эмигрантов 1920-х годов. В основном позитивные оценки Клюева и его послереволюционного творчества,

---

[9] Лелевич Г. Л. Ленин в художественной литературе // Молодая гвардия. 1924. №2/3. С. 499-500.

высказываемые, прежде всего, в эмиграции, в историко-политическом контексте эпохи необходимо рассматривать как прямое следствие борьбы с Клюевым и «клюевщиной» в Советской России. В 1920 году книги Клюева выходят в берлинском издательстве «Скифы». Иванов-Разумник продолжал, как в сборнике «Скифы» в 1917-1918 годы, восхвалять Клюева, Орешина и Есенина, «первых подлинно народных поэтов». Критики и публицисты ряда эсеровских эмигрантских изданий дали свою оценку творчеству Клюеву, отличную от отечественного мнения. Как считал П. Н. Савицкий, Клюев А. Белый, Есенин, Иванов-Разумник и другие «скифы» отражали возвращение патриотизма в современном обществе, разрушение «географического единства» государства и гибель «великодержавного отечества»[10]. А для Л. Павлович «Песнь Солнценосца» Клюева стала самой аполитичной на фоне остальных произведений «скифов». Д. П. Святополк-Мирский отметил, что «скифы» близки к большевикам, но с консервативным, «славянским» уклоном. У Клюева и Есенина с их революционным мистицизмом есть все шансы стать «символом нового русского умонастроения»[11]. Впрочем «Песнь Солнценосца» и «Избяные песни» были встречены эмигрантской критикой двояко. Одни видели в них тяжесть, вычурность, искусственность (Слоним, Павлович), другие – действительные революционные настроения (К. Калагинов).

Статья Калагинова в харбинском журнале «Русская жизнь» была одним из немногих высказываний о пролетарской принадлежности Клюева, произнесенное за рубежом. Познакомиться с данной работой европейские публицисты и, тем более, читатели не имели возможности. Русская диаспора в Западной Европе говорила о революционных мотивах «Песни Солнценосца» и других работах Клюева, но видела в нем в первую очередь крестьянского поэта-мистика, а не пролетарского глашатая. Н. Ф. Мельникова-Папоушек и Г. В. Алексеев доказывают, что Клюев «подлинный мужицкий крестьянский поэт, и таковым, весьма к тому талантливым, считался задолго до большевиков»[12] и продолжает им оставаться. Не остались в стороне критики и литераторы после издания поэмы «Четвертый Рим». Все сошлись в одном мнении, что произведение представляет собой выпад против Есенина (А. П. Вольский, П. П. Потемкин и др.).

Многие публицисты разочарованы глубоким уходом Клюева в пролетарскую тематику (да еще с оттенком «скифства»), продолжается отрицание сложного языка, обилия образов и т.д. Близкий друг и ученик Есенина А. Б. Кусиков, преданный революции и занимавший антиэмигрантскую позицию, в статье «Битюг», по сути, хоронит творчество Клюева.

Произведений Клюева переводили на иностранные языки люди, непосредственно связанные с Россией, но лишенные каких-либо идеологических

---

[10] Петроник [Савицкий П. Н.] Идея Родины в советской поэзии // Русская мысль. 1921. Кн. I/II. С. 219.

[11] Святополк-Мирский Д. П. Литература в России большевиков // The London Mercury. 1922. № 27 (Цит. по: Святополк-Мирский Д. П. Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи / Сост., подг. текстов и вступ. ст. В.В. Перхина. СПб.: Алетейя, 2002. С. 47).

[12] Н. М. П. [Мельникова-Папоушек Н. Ф.] Н. Клюев. Избяные песни // Воля России. Прага, 1921. 7 апреля. С. 5.

привязанностей при интерпретации поэзии. В. Гартман перевел «Песнь Солнценосца» на немецкий язык и поместил в статье «Новейшая русская революционная поэзия»[13]. В статье Гартман дает краткую характеристику поэзии Клюева и Есенина, которые, по мнению переводчика, сумели «отлить кровь войны и революции в достойные формы»[14]. На французский язык «Песнь Солнценосца» была переведена уже через два года в коммунистическом журнале «Кларте» (№ 17 от 15 июля 1922 г.) журналистом Морисом Донзелем (подпись: «Парижанин»). Донзель сделал дословный перевод поэмы, сопровождая его небольшим словарем (девять географических и исторических имен). Как отреагировали французские коммунисты на «Песнь Солнценосца» неизвестно: никаких откликов не обнаружено. Перевод сопровождала статья члена редакции Виктора Сержа «Русские писатели и революция. Прозаики. Поэты. Литературная среда. Существует ли новая литература?». Автор статьи рассказывает о творчестве поэтов, которые, по его мнению, полнее других восприняли и поняли русскую революцию. К ним в первую очередь относятся «скифские» поэты: Блок, Белый, Есенин и Клюев. В поэзии Клюева Серж акцентирует внимание на синтез революции и древних литературных и религиозных источниках творчества. Также Клюева переводили на европейские языки Э. Извольски, С. Тактаковер, Д. Патрик.

К середине 1920-х годов популярность творчества Клюева в Европе угасла. Если в Англии о нем еще упоминали, то во Франции и Германии стихотворения поэта не переводили. Более Клюева в этот период за рубежом не печатали. Отчасти это можно объяснить не только прекращением сотрудничества Клюева со «Скифами» или изменением его оценки от «попутчика» к «кулацкому» поэту, но и нарастающей известностью Есенина, которого продолжали печатать за рубежом после его заграничного турне.

В 1940-ые годы интерес к Клюеву был обусловлен его восприятием как жертвы коммунистического террора. Одним из приемов обличения сталинского режима стала популяризация запрещенной в СССР литературы и ее авторов, затравленных, расстрелянных или погибших в лагерях. Безусловно, первыми героями стали Клюев, Есенин, Клычков, Гумилев и др. Таким образом, личность Клюева вновь становится объектом, используемым для доказательства той или иной программы или идеологии. Безусловно, многие выводы Б. А. Филистинского, И. Полтавского, В. Волхова, В. Вечеслава в отношении непосредственно поэзии Клюева были справедливо использованы в целях антисоветской пропаганды. Единственными работами о Клюеве в русскоязычной коллаборационистской прессе Германии, лишенными идеологической подоплеки, были статьи В. Казанского (В. К. Завалишина). В них достаточно объективно анализируется творческий путь поэта, неразрывно связанный с традиционной культурой Древней Руси.

---

[13] Hartmann, Waldemar. Die jüngste russische Revolutionsdichtung // Der neue Merkur, München. 1920. Jahrg. 4. Hf. II/III. Mai-Juni. S. 110-119.

[14] Цит по: Субботин С. И. Клюевская «Песнь Солнценосца» по-немецки (1920-е годы).

Позднее Филистинский-Филиппов сыграл заметную роль в возрождении и популяризации творчества Клюева в Западной Европе и Америке. Им и Г. П. Струве были изданы собрания сочинений 1954 (Нью-Йорк) и 1969 (Мюнхен) года. Ю. П. Иваск, Г. Б. Забежинский, Э. М. Райс и Р. Б. Гуль оценили книги как блестяще выполненную работу. Б. Филиппов неоднократно публиковал воспоминания о Клюеве.

В «Новом журнале» появляются первые развернутые воспоминания о Клюеве Раменского (под псевдонимом Р. Менский) и итальянского слависта Этторе Ло Гатто. Статья Менского, описывающая приход Клюева в Петербург еще деревенским юношей «то ли послушником, то ли заветником-богомольцем древнего монастыря»[15], давала много информации как о творчестве поэта, так и о его биографии. А благодаря Ло Гатто «Погорельщина» впервые была опубликована в «Полном собрании сочинений» поэта (Нью-Йорк, 1954).

Всех эмигрантских критиков объединяло убеждение, что Клюева, «настоящего» поэта, отстаивающего народные традиции, народный дух погубила Советская власть. Клюев вновь, как и в дореволюционный период, предстает народным поэтом, который в религиозно-мистических и фольклорных мотивах воспевает деревенского мужика, природу, быт, избу и т.д. Возникает спор лишь о том, что сформировало Клюева-поэта: религиозное сектантство или фольклор. Клюев отталкивал Ю. П. Иваска своими послереволюционными работами множеством подражательности, театральности, лицемерия и «немалой безвкусицей». Другие эмигрантские критики (В. Л. Пастухов, Р. Н. Гринберг) отмечали «фальшивую елейность и сусальный русский стиль»[16] не только в поэзии Клюева, но и у других «новокрестьянских» поэтов (Есенин, Клычков, Ширяевец). Как видим, эмигрантов больше привлекал дореволюционный этап творчества Клюева.

Шестой параграф «Поэма Н. А. Клюева «Погорельщина» в оценке современников». Замысел поэмы возник у Клюева после написания «Деревни» в 1927 году. Создавалась «Погорельщина» сначала с весны по осень 1928 года в Ленинграде, а потом на Украине, в Полтаве и в селе Старые Санжары Полтавской области в гостях у украинского журналиста и актера М. М. Корсуна. Клюев, понимая, что его поэма не появится в советской печати, старался как можно чаще представлять ее на публичных чтениях. В данном параграфе рассмотрены впечатления многих деятелей искусства, оставленные ими в дневниках (Д. Е. Максимов, Н. А. Минх и др.), переписке (Иванов-Разумник, А. Белый) или в печати (В. К. Казанский, Р. Менский) после посещения выступлений Клюева с поэмой.

В **Заключении** приведены основные итоги исследования. Творчество Н. А. Клюева являлось существенной частью отечественного литературного процесса первой трети XX века. Деятельность поэта вызывала большой резонанс как в сознании читателей, так и на страницах отечественной и эмигрантской периодики.

---

[15] Менский Р. Н. А. Клюев (1887-1937) // Новый журнал. 1953. № 32. С. 149.
[16] Пастухов В. Л. Страна воспоминаний (о Рюрике Ивневе) // Опыты. 1955. № 5. С. 85.

Каждая новая книга поэта рассматривалась с разных точек зрения: в зависимости от принадлежности реципиента к определенной литературной группе или течению, от его идеологических и политических предпочтений. Тем не менее, мало кто из критиков сумел глубоко и точно прочувствовать мировосприятие поэта-крестьянина, поскольку все они объективно были далеки от понимания фольклорно-мифологической и словесной культуры Северной Руси.

Одних критиков смущала резкая смена тематики, мотивных образов и образности («Сосен перезвон» – «Братские песни» – «Лесные были»), в которой они ощущали отход от прежних достижений и поэтическую деградацию, другие видели в этом перспективное развитие поэзии в направлении большого «эпоса».

Метания Клюева от одного литературного течения к другому, от роли «псалмопевца сектантского корабля» к искусственному образу «фольклорного» певца в группе «Краса» С. М. Городецкого оценивались как проявление либо «литературной неопытности» «деревенского самородка», либо его «мужицкой хитрости», конъюнктурности.

Дореволюционная периодика была своего рода плацдармом, где формировался литературный образ Клюева. «Подлинный народный поэт», народный мистик сектантского толка, пророк, стилизатор, фальсификатор – вот те основные характеристики, которые обсуждались литераторами и публицистами. На страницах газет и журналов шла полемика об истоках творчества талантливого крестьянского самородка. То, что Клюев генетически и биографически связан с глубинными традициями народной культуры, мистики и религии, сомнению не подвергалось. Спор шел о том, какому современному литературному и мировоззренческому направлению в наибольшей степени соответствует клюевское дарование. Дискуссия, как и следовало ожидать, довольно скоро превратилась в борьбу за Клюева.

Для «суриковцев» Клюев с его мечтами о спасении в потустороннем мире и подражании поэтам-символистам оказался чужим. Тем не менее, И. А. Белоусов и М. Г. Сивачев были первыми, кто начал процесс формирования образа поэта на страницах периодики. С одной стороны, Клюева представляли как народного деревенского самоучку, тщетно борющегося с пагубным влиянием городской цивилизации (Белоусов), с другой – как поэта, который изменил своему прямому предназначению, учась у столичных интеллигентов, ничего непонимающих в народной жизни (Сивачев). Линию Белоусова продолжили Г. Д. Хомяковский, З. Д. Бухарова, Б. Д. Богомолов и другие. Именно она в дальнейшем будет превалировать в восприятии Клюева читательским сознанием вплоть до середины 1920-х годов.

Особую позицию занимали А. А. Измайлов и П. М. Пильский, увидевшие в «крестьянском» поэте пророка «крестьянского рая» и предтечу новой литературной школы «свободной» поэзии. И то и другое возможно при условии, что поэт будет держаться в стороне от политических бурь и избегать влияния модных литературных направлений. П. М. Пильский с самого начала отмечает, что читатель не найдет у молодого крестьянина-самоучки перепевы А. В. Кольцова или И. С. Никитина.

Наоборот, критик показывает Клюева поэтическим пророком, воспитанным на Блоке и символизме. Измайлов видел в Клюеве не новую литературную школу, а всего лишь самобытную творческую личность. Он опасается влияния на Клюева интеллигентов-символистов, голгофских христиан, а также увлечение различными политическими направлениями.

Если бы не переписка Клюева с Блоком, неизвестно, как бы сложились судьба и творчество олонецкого поэта. Дореволюционный период литературной жизни Клюева складывался поначалу под непосредственным влиянием символистов. В. Я. Брюсов выступил не только автором предисловия к дебютному сборнику «Сосен перезвон», но и стал одним из авторитетнейших защитников Клюева, что удивляло ряд критиков и поэтов из стана символистов (М. С. Шагинян, Д. В. Философова, С. Я. Парнок). Тем не менее, и они будут поражены непринужденностью и легкостью ранних стихов Клюева. Познакомившись с «Братскими песнями», Брюсов вряд ли мог принять резкую смену поэзии Клюева и его уход в голгофское христианство. Однако, для Брюсова «шероховатые» стихотворения второй книги явились особенным образцом настоящей религиозной поэзии. Именно таким «нелитературным» языком и следует писать духовные стихи. Религиозно-мистическая символистская критика в лице З. Гиппиус, С. Кречетова выступила против фольклорных стилизаций Клюева, увидев в этом всего лишь самолюбование и фальшь. Философов сумел прочувствовать универсальность ранней поэзии Клюева, указывая на фольклорные и сектантские аспекты «Братских песен». В целом, символистская критика оказала большое влияние на формирование образа Клюева в читательском сознании. Она старалась сохранить талантливого поэта в рамках только своего литературного направления, поэтому столь резко реагировали на уход Клюева сначала к голгофским христианам, а затем к акмеистам.

И. П. Брихничев, В. П. Свенцицкий, Л. Столица и другие представители голгофского христианства на страницах «Новой земли» и «Нового вина» навязывали Клюеву роль пророка в его специфическом сектантском варианте. Следовательно, они не были солидарны с трактовкой о Клюеве символистами, и, вообще, выступали против всякого сближения поэта с ними. Статьи Брихничева стали первыми, рассказывающими о жизни крестьянского поэта, как в Санкт-Петербурге, так и на родине в Олонецкой губернии. Автору не была важна достоверность фактов. Задача состояла в убеждении общественности, что Николай Клюев действительно является глашатаем голгофского учения и имеет на то биографические основания. Работа по созданию идеальной с точки зрения голгофцев биографии поэта-пророка проводилась не только на страницах периодической печати, но и в переписке, а также самим Клюевым в «Братских песнях». Сакрализации подвергается не только личность поэта, но и его тексты, к которым нельзя подходить с обычными мерками (как это делают, по их мнению, символисты и акмеисты). Несмотря на непродолжительное творческое сотрудничество, образы и мотивы, привитые в свое время Брихничевым и его учением, продолжали развиваться в поэзии Клюева, что послужило в дальнейшем одной из причин нападок марксистской критики в послереволюционное время.

Литературный образ Клюева значительно меняется в работах голгофских христиан. Перед читателем предстает поэт-пророк, проповедующий их учение как единственную спасительную веру.

Акмеисты в лице Н. С. Гумилева, Городецкого, В. И. Нарбута и др., как и критики-символисты, не приняли пророческую маску голгофского христианства Клюева. Для них крестьянин также выступал ключом к народу, поэтому они доказывали большое влияние «Цеха поэтов» на его творчество. Сотрудничество Клюева с акмеистами, переросшее в выступления в группе Городецкого, было непродолжительным. С одной стороны поэт не оправдал их ожиданий, с другой – Клюеву было тесно в «Цехе». Уход Николая Алексеевича к акмеистам еще больше удивил критиков и поэтов, чем стремление стать соратником Брихничева. Одним из них был В. Л. Львов-Рогачевский, который настаивал на автономном и независимом творческом пути Клюева.

Иванов-Разумник как до, так и после 1917 года в своей оценке творчества Клюева был близок Львову-Рогачевскому. Идеолог «скифов» отмечал ожесточенную борьбу за Клюева различных религиозных и литературных групп, однако сам он также положительно отзывался о работах Клюева в своих интересах. При этом его положительные отзывы о поэте имели целью закрепить Клюева в группе «Скифы».

Клюев пытается «идти в ногу со временем», стать социально близким к пролетарским поэтам, но даже у себя на родине в Олонецкой губернии это не получилось. В статьях П. К. Бессалько, Н. С. Ангарского, В. В. Князева, А. В. Богданова, Н. А. Павлович и других пролеткультовцев начинается травля Клюева-«попутчика». В строительстве новой страны, новой жизни не нужно возвращение к литературе, к традициям и культуре прошлого. Положительные отзывы И. А. Оксенова и П. Н. Медведева на этом фоне выглядели лишь «каплей в море».

Поэзия Клюева не подходила большевикам ни по форме, ни по содержанию. Мистика, религиозность, ориентация на традиционный фольклор и мифологию, осуждение городской жизни и, главное, политики правящей партии по отношению к деревне, – все это вызывало у власти усиливающееся раздражение. Клюев не входил в рабоче-крестьянскую группу авторов, которую поддерживал «Перевал». Поэта обвиняли в чрезмерной насыщенности образов, отсутствии собственного голоса, стремлении к патриархальности. В результате А. К. Воронский, В. П. Правдухин и др. «перевальцы» также пришли к выводу Князева о творческом кризисе Клюева после революции.

Официальная критика не призывала читателя забыть о Клюеве, наоборот, создается впечатление, что поэт нужен новой власти как постоянный объект критики и шельмования. Несмотря на закрытие ему дороги в журналы в конце 1920-х годов, фамилия поэта часто фигурирует в литературных обзорах, статьях и заметках. Критики-идеологи Г. Л. Лелевич, А. И. Безыменский, А. А. Авербах, М. И. Беккер, О. М. Бескин, П. С. Яцынов, Г. Г. Раменский и многие другие используют Клюева как один из самых ярких примеров «кулацкой» линии в советской литературе.

Окончательно образ Клюева – «попутчика» сменяется на образ Клюева – кулацкого поэта после 1925 года со всеми вытекающими отсюда последствиями. Официальная трактовка Клюева как реакционера и лишнего элемента в современной общественной жизни, безусловно, не имела всеобщую поддержку. Доказательством является оценка ценителями литературы поэмы «Погорельщина», что отразилось в дневниковых записях и воспоминаниях современников.

Критическая оценка творчества Клюева среди эмигрантов была неоднозначной. «Песнь Солнценосца», «Избяные песни» и «Четвертый Рим» оценивали не только как прекрасные произведения, отвечающие потребностям и интересам текущего послереволюционного времени (А. Белый, Иванов-Разумник, К. Калагинов), но и как яркие примеры реакционности и упадка (М. Слоним, А. Б. Кусиков, Л. П. Михельсон). Многие критики и публицисты были разочарованы стараниями Клюева закрепиться в пролетарской среде (да еще с оттенком «скифства»), сложностью его поэтического языка, обилием непривычных образов. Также в 1920-е годы произведения Клюева неоднократно переводят на немецкий, английский и французский языки. Переводчики (Дж. Патрик, Э. Извольски, С. Тактаковер, В. Гартман, М. Донзель, В. Серж) отмечают у Клюева уникальный синтез революции, крестьянского происхождения, древних литературных, религиозных источников.

Приложение I включает в себя биобиблиографический указатель жизни и творчества Н.А. Клюева, охватывающий период с 1904 по 2016 год. Приложение II содержит тексты статей и рецензий мало, либо вовсе не упоминаемых до этого в работах, посвященных биографии и творчеству Клюева. Помимо этого, данные материалы недоступны в Интернет-ресурсах. Несколько материалов из русской эмигрантской печати выходят за обозначенные хронологические рамки, т.к. они по содержанию примыкают к прижизненным откликам о Клюеве в русском зарубежье.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих работах.

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных Перечнем ВАК

1. Байнин, С. В. Н. А. Клюев под огнем советской критики / С. В. Байнин // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2015. – № 4 (65). – С. 56-61. – 0,7 п.л.
2. Байнин, С. В. Петр Пильский и Николай Клюев : к истории одной рецензии / С. В. Байнин // Казанская наука. – 2015. – № 8. – С. 60-64. – 0,58 п.л.
3. Байнин, С. В. Поэзия Николая Клюева в критике В. Л. Львова-Рогачевского / С. В. Байнин // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2015. – № 9 (51) : в 2-х ч. Ч. I. – С. 43-45. – 0,3 п.л.

Другие работы, опубликованные автором по теме диссертации

4. Байнин, С. В. Критика «второй волны» эмиграции о творчестве Н. А. Клюева / С. В. Байнин // Молодые исследователи – регионам : материалы

Международной научной конференции: в 3 т. . – Том III. – С. 363-364. – 0,12 п.л.

5. Байнин, С. В. Критика «первой волны» эмиграции о творчестве Н. А. Клюева / С. В. Байнин // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки [Электронный ресурс]. – 2015. – № 3. Режим доступа: http://apriori-journal.ru/seria1/3-2015/Bajnin.pdf.
6. Байнин, С. В. Критика литературной группы «Перевал» о творчестве «крестьянского» поэта Н. А. Клюева / С. В. Байнин // Язык : система и деятельность : сборник научных трудов I международной научно-практической конференции, 25. 06. 2015. – Нижний Новгород, 2015. – С. 5-8.
7. Байнин, С. В. Народная культура Олонецкого края в творчестве Н. А. Клюева (обзор научной литературы) / С. В. Байнин // Образы национальной ментальности в текстах Русского Севера : сборник научных трудов. – Вологда, 2013. – С. 156-160. – 0,3 п.л.
8. Байнин, С. В. Николай Клюев и Суриковский литературно-музыкальный кружок / С. В. Байнин // Николай Клюев и концептосфера русской культуры / сост. В. А. Доманский, Е. В. Самойлова. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургская региональная благотворительная общественная организация «О-во русской традиционной культуры», 2016. – С. 93-101. – 0,52 п.л.
9. Байнин, С. В. Николай Клюев на страницах периодических изданий Олонии / С. В. Байнин // Беловский сборник. – Вологда : Легия, 2016. – Вып. 1. – С. 13-18. – 0,35 п.л.
10. Байнин, С. В. Поэма Н. А. Клюева «Погорельщина» в оценке современников / С. В. Байнин // «Я — посвященный от народа». Николай Клюев : Поэзия. Личность. Служение. Научный сборник. – Санкт-Петербург, 2015. – С. 179-186. – 0,46 п.л.
11. Байнин, С. В. Промысловые заговоры и обряды Русского Севера в творчестве «крестьянского» поэта Н. А. Клюева / С. В. Байнин // Рябининские чтения – 2015. Материалы VII конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. – Петрозаводск, 2015. – С. 455-459. – 0.58 п.л.
12. Байнин, С. В. С. М. Городецкий как критик творчества Н. А. Клюева / С. В. Байнин // Слово и образ в культуре Русского Севера : сборник научных трудов. – Вологда, 2014. – С. 74-81. – 0,46 п.л.
13. Байнин, С. В. «Церкви-сестры» как пример олонецкой храмовой культуры в поэзии Н. А. Клюева / С. В. Байнин // Церковь Преображения Господня : 300 лет на заонежской земле : Материалы Всероссийской научной конференции, приуроченной к 300-летию Преображенской церкви на острове Кижи (3-5 сентября 2014 г., Петрозаводск, о. Кижи). – Петрозаводск, 2015. – С. 293-299. – 0,4 п.л.

Формат 60×84 1/16. Объем 1,5 п. л. Тираж 100 экз. Заказ № 874

Отпечатано в ООО «Эпатаж».

160004, г. Вологда, ул. Октябрьская, д. 51, оф. 208,
тел. (8172) 72-48-00,
e-mail: ra-epatazh@mail.ru